

Содержание

1. ГРЯДУЩАЯ ЭРА ЛИБЕРТАРИАНСТВА	9
Возрождение либертарианства	12
Разочарование в политике	19
Причины политических провалов	21
Базовые политические альтернативы	23
Ключевые идеи либертарианства	26
Левые или правые?	30
Примечание о ярлыках: почему «либертарианцы»?	33
2. КОРНИ ЛИБЕРТАРИАНСТВА	39
Предыстория либертарианства	40
Естественное право	41
Плюрализм	42
Веротерпимость	43
Сопротивление абсолютизму	46
Английская революция	48
Либеральный XVIII век	50
Рождение либерального мира	55
Общество и правительство	56
Ограничение правительства	58
Гражданские права	59
Плоды либерализма	60
Упадок либерализма	63
Подъем современного либертарианского движения	66
Экономисты австрийской школы	67
Последние классические либералы	69
Айн Рэнд	70
Послевоенное возрождение	71
Либертарианство сегодня	72
3. КАКИЕ ПРАВА У НАС ЕСТЬ?	74
Основные права	76
Самопринадлежность	79
Права собственности	81
Генетическая теория справедливости Нозика	86
Аксиома неагрессии	91
Следствия из естественных прав	93
Свобода совести	94
Свобода договоров	98

Необходимо ли верить в естественные права, чтобы быть либертарианцем?	100
Утилитаризм Мизеса	101
Крайняя необходимость	103
Пределы прав	103
Что не является правами	107
Как государство усложняет права	111
4. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО	114
Индивидуализм	114
Человеческое достоинство	116
Феминизм	117
Рабство и расизм	119
Индивидуализм сегодня	120
5. ПЛЮРАЛИЗМ И ВЕРОТЕРПИМОСТЬ	126
Веротерпимость	127
Отделение совести от государства	130
6. ПРАВО И КОНСТИТУЦИЯ	137
Прецедентное право	137
Упадок договорного права	139
Право групп особых интересов	141
Конституционные ограничения, налагаемые на правительство	144
7. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО	150
Сотрудничество	155
Личная ответственность и доверие	156
Многоликость гражданского общества	159
Благотворительность и взаимопомощь	160
Государство и гражданское общество	167
От благотворительности и взаимопомощи к государству всеобщего благосостояния	168
Формирование характера	171
8. РЫНОЧНЫЙ ПРОЦЕСС	173
Информация и координация	175
Цены	175
Конкуренция	177
Социализм	179
Собственность и обмен	180
Разделение труда	182
Прибыли, убытки и предприниматели	184

Экономический рост	189
Государство — источник экономического хаоса	193
Сохранение рабочих мест	193
Регулирование цен	195
Налогообложение	200
Государственное регулирование	202
Международная торговля	206
Государство и производство	212
Что видно и чего не видно	213
Капитализм и свобода	216
9. ПРИРОДА БОЛЬШОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА	218
Демократическое государство	221
Почему государство становится слишком большим	226
Большое правительство и придворные интеллектуалы	235
Государство и война	241
10. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ	246
Возобновление экономического роста	247
Хорошие новости	248
Плохие новости	250
Сокращение государственного бюджета	255
Обеспеченная старость	256
Здравоохранение	261
Снижение расовой напряженности	267
Освобождение бедных	272
Преступность	277
Семейные ценности	280
Образование	284
Защита гражданских свобод	287
Охрана окружающей среды	291
Сохранение мира	296
11. ОБВЕТШАВШЕЕ ГОСУДАРСТВО	300
Провалы рынка и общественные блага	300
Некоторые классические примеры, которые <i>не были</i> общественными благами	303
Когда государство предоставляет услуги?	304
Бегство от правительственных услуг	307
Связь	308
Образование	310
Частные поселения	313
Закон и судопроизводство	316

Страхование и фьючерсы	318
В обход государства	321
12. ЛИБЕРТАРИАНСКОЕ БУДУЩЕЕ	324
Вашингтон, который построил Рузвельт	325
Централизация, автономия и порядок	329
Информационная эпоха	333
Каркас для утопии	336
ПРИЛОЖЕНИЕ	340
Являетесь ли вы либертарианцем?	340
Личная свобода	342
Экономическая свобода	342
Рекомендуемая литература	344
Комментарии	349
Глоссарий имен	367
Указатель	388

1 | ГРЯДУЩАЯ ЭРА ЛИБЕРТАРИАНСТВА

В 1995 г. социологи из Института Гэллапа обнаружили: 39% американцев считают, что «федеральное правительство стало таким большим и могущественным, что представляет собой непосредственную угрозу правам и свободам простых граждан». Социологи не поверили своим глазам и сделали еще одну попытку, убрав слово «непосредственную». С этим утверждением согласились 52% американцев.

В том же году газета «USA Today» поместила на первой полосе материал об американцах, родившихся после бума рождаемости первых послевоенных десятилетий, где говорилось, что «многие из 41-миллионного поколения X*... склоняются к старой философии, которая вдруг стала казаться новой, — либертарианству». С этой оценкой, также в репортаже на первой полосе, соглашается «Wall Street Journal»: «Значительная часть настоятельных претензий, предъявляемых сегодня [избирателями], не являются традиционно республиканскими или даже консервативными. Они либертарианские... Создается впечатление, что, испытывая постоянно растущее презрение к правительству, все больше и больше американцев склоняются — зачастую сами не осознавая того — к философии либертарианства».

В 1995 г. Дэвид Броудер писал в газете «Washington Post» о множестве американцев, заявляющих, что они приветствовали бы появление третьей партии: «Отличительная черта этих потенциальных независимых избирателей — помимо их разочарования вашингтонскими политиками обеих партий — их либертарианская закваска. Они скептически смотрят на демократов, поскольку отождествляют их с большим правительством. Они подозрительно относятся к республиканцам по причине растущего влияния внутри республиканской партии религиозных правых».

Откуда взялся этот внезапный интерес средств массовой информации к либертарианству?

Как заметила «USA Today», либертарианство ставит под вопрос общепринятую точку зрения и отвергает устаревшие идеи этатистов, поэтому очень привлекательно для молодых. Что касается меня самого, то когда, учась в колледже, я впервые открыл для себя идеи либертарианства, мне казалось очевидным, что большинство либертарианцев должны быть молодыми (причем я смутно догадывался, что либертарианские книги, которые я читал, написаны пожилыми людьми). Кто, как не молодой человек, мог разделять столь бескомпромиссное видение личной свободы? Отправившись на свое первое либертарианское мероприятие вне колледжа, я был несколько удивлен, что первому человеку, с которым я столкнулся, было около сорока, а в то время мне это казалось достаточно почтенным возрастом. Прибывшая следом молодая женщина под тридцать больше соответствовала моему представлению о тех, кого я ожидал встретить. Однако ее первым вопросом было: «Вы не видели моих родителей?» Вскоре я узнал, что ее родители, которым шел шестой десяток, были ведущими либертарианскими активистами в штате, и навсегда распрощался со своими ошибочными представлениями о том, какими должны быть люди, становящиеся либертарианцами. Я обнаружил, что родители этой молодой женщины и миллионы американцев, которые сегодня разделяют либертарианские убеждения, являют собой воплощение давней американской традиции личной свободы и оппозиции принуждающему государству.

Либертарианство — это убеждение, что каждый человек имеет право жить так, как хочет, если уважает равные права других. Либертарианцы защищают права каждого человека на жизнь, свободу и собственность — права, которыми люди обладают изначально, вне зависимости от существования государства.

С точки зрения либертарианца, все отношения между людьми должны быть добровольными; единственные действия, которые должны быть запрещены законом, — это все то, что подразумевает применение силы против тех, кто сам не применял силу: убийство, насилие, грабеж, похищение людей и мошенничество.

Большинство людей привычно верят в этот моральный кодекс и живут по нему. Либертарианцы считают, что этот кодекс должен применяться последовательно — то есть его нуж-

но применять и по отношению к государству и правительству, а не только к отдельному человеку. Государство должно существовать для защиты прав, для защиты нас от тех, кто может использовать против нас силу. Когда государство применяет силу по отношению к людям, которые не нарушали права других, оно само становится нарушителем прав. Исходя из этого, либертарианцы осуждают такие действия государства, как цензура, призыв на воинскую службу, регулирование цен, конфискация имущества, а также вмешательство в нашу личную жизнь, включая ее экономический аспект.

Столь прямо выраженные либертарианские представления могут показаться чем-то не имеющим отношения к реальности, словно учение для мира ангелов, которого никогда не было и не будет. Не правда ли, в сегодняшнем, крайне сложном и зачастую неуютном мире государству есть где себя показать? Однако вот сюрприз: ответ на вопрос — нет. На самом деле, чем более усложненным делается мир, тем лучше работает либертарианство по сравнению, например, с монархией, диктатурой и даже послевоенным государством всеобщего благосостояния американского разлива. Политическое пробуждение в сегодняшней Америке — первейшее и главное свидетельство того, что либертарианство вовсе не пережиток прошлого. Это философия, нет, больше — практический план для будущего. В американской политике это передовой отряд, не отвлекающий маневр, а атакующий авангард.

Либертарианская мысль распространена сегодня настолько широко, а американское правительство стало настолько разбухшим и нелепым, что два самых остроумных писателя Америки — либертарианцы. П. Дж. О'Рурк резюмировал свою политическую философию следующим образом: «Дать деньги и власть государству — все равно что дать виски и ключи от машины подросткам». Дэйв Бэрри понимает правительство почти так же четко, как Томас Пейн: «Лучший способ понять суть проблемы — это посмотреть на то, что делает правительство: оно берет деньги у одних людей и, прикарманив изрядную долю, оставшееся отдает другим».

Либертарианство — старая философия, но его система взглядов в отношении свободы в рамках закона и экономического

прогресса делает его особенно подходящим для динамичного мира — как его ни называй: информационной эпохой, третьей волной или третьей промышленной революцией, — в который мы сейчас входим.

Возрождение либертарианства

Может возникнуть вопрос: США — в целом свободная и процветающая страна, зачем нужна какая-то новая философия правления? Разве нам плохо живется при нынешней системе? Действительно, общество, в условиях которого мы живем, принесло беспрецедентное процветание большому числу людей, чем когда-либо ранее. Но мы сталкиваемся с проблемами — высокие налоги, плохие школы, расовая напряженность, деградация окружающей среды и т.д., — с которыми наша нынешняя система не справляется. Как я попытаюсь показать, либертарианство предлагает способы решения этих проблем. Для начала я приведу три причины, по которым в канун нового тысячелетия либертарианство является правильным выбором для Америки.

Во-первых, мы даже близко не подошли к тому процветанию, которое могло бы иметь место. Если бы наша экономика росла теми же темпами, что в период с 1945 по 1973 г., наш валовой внутренний продукт был бы на 40% больше, чем сейчас. Однако один этот факт не дает истинной картины экономического ущерба, который нам наносит избыточное государство. В мире глобальных рынков и ускоряющихся технологических изменений мы не должны расти темпами сорокалетней давности — мы должны расти быстрее. В большей степени полагаясь на рынки и индивидуальное предпринимательство, мы обеспечили бы более высокий уровень благосостояния всем нам, что особенно важно для тех, кто сегодня обездолен.

Во-вторых, как заявили упоминавшиеся выше 52% американцев растерявшимся социологам, наше правительство стало слишком могущественным и уже начинает представлять угрозу нашей свободе. Правительство собирает слишком много налогов, слишком активно занимается регулированием и вмешивается куда не следует. Политики от Джесси Хелмса до Джесси Джексона стремятся навязать 250 млн американцев свой

собственный моральный кодекс. Такие события, как атака на «Ветвь Давидову», убийство Вики Уивер и Дональда Скотта, избиение Родни Кинга* и учащающиеся попытки правительства забрать частную собственность без судебного разбирательства, заставляют опасаться вышедшего из-под контроля правительства и напоминают о необходимости восстановить жесткие ограничения власти.

В-третьих, в быстро меняющемся мире, где каждый человек будет иметь беспрецедентный доступ к информации, централизованная бюрократия и принудительные правила просто не смогут поспеть за реальной экономикой. Существование мировых рынков капитала означает, что инвесторы не останутся заложниками национальных правительств и их налоговых систем с чрезмерно высокими ставками налогообложения. Развитие телекоммуникаций приведет к тому, что все больше и больше работников также получат возможность укрыться от высоких налогов и других поползновений навязчивого правительства. В XXI столетии будут процветать страны, привлекающие продуктивных людей. В безграничное будущее можно попасть, только имея ограниченное правительство.

XX век был веком государственной власти, от Гитлера и Сталина до тоталитарных государств за железным занавесом, от диктатур по всей Африке до бюрократических «государств всеобщего благосостояния» Северной Америки и Западной Европы. Многие считают: раз мир все более усложняется, вполне естественно, что правительства становятся больше и могущественнее. Однако в действительности XX век во многих отношениях представляет собой отклонение от магистрального пути, по которому развивалась 2500-летняя история западного мира. Начиная с древних греков, история Запада была по большей части историей возрастающей свободы при постепенном ограничении государственного принуждения и произвола.

Сегодня, в конце XX в., некоторые признаки говорят о том, что мы, возможно, возвращаемся на путь ограничения государства и расширения свободы. С крахом коммунизма исчезли последние аргументы в пользу централизованного планирования. Развивающиеся страны приватизируют государственную промышленность и делают рынки свободными. Внедряя

капитализм, страны Тихоокеанского бассейна в течение жизни одного поколения перешли от нищеты к мировому экономическому лидерству.

В США бюрократическому левиафану угрожает возрождение либертарианских идей, на которых в свое время была основана эта страна. На наших глазах рухнули все заветные чаяния социально-милитаристского государства. Американцы стали свидетелями провала большого правительства. В 1960-е они узнали, что правительства ведут войны, в которых нельзя победить, шпионят за своими внутренними оппонентами и лгут об этом. В 1970-е стало ясно, что государственное управление экономикой ведет к инфляции, безработице и стагнации. 1980-е годы открыли, что расходы на государство с его навязчивой опекой растут даже тогда, когда в борьбе за президентское кресло кандидаты наперебой обещают изменить ситуацию. Теперь, в 1990-е, американцы готовы применить эти уроки, чтобы сделать XXI век не веком государства, а веком свободного человека.

Эти изменения проистекают из двух главных источников. Во-первых, из растущего во всем мире признания неэффективности государственного планирования и присущего ему деспотизма. Во-вторых, из роста политических движений, основанных на идеях*, особенно на идеях либертарианства. Как написал в книге «Почему американцы ненавидят политику» Э. Дж. Дионне: «Возрождение либертарианства — одна из наименее известных, но наиболее замечательных тенденций последних лет. В 1970—1980-е годы антивоенные, антиавторитаристские, антиправительственные и антианалоговые настроения объединились, чтобы оживить долго бездействовавшее политическое направление».

Почему возрождение либертарианства происходит именно сейчас? Основная причина в том, что в XX столетии были опробованы все альтернативы либертарианству — фашизм, коммунизм, социализм, государство всеобщего благосостояния, — и ни одна из них не смогла обеспечить мира, процветания и свободы.

Первым с исторической сцены сошел фашизм, представленный Италией времен Муссолини и гитлеровской Германией. Его экономическая централизация и расовый коллективизм

сейчас отвратительны любому цивилизованному человеку, так что мы склонны забывать, что до Второй мировой войны многие западные интеллектуалы восторгались «новыми формами экономической организации в Германии и Италии», как писал журнал «Nation» в 1934 г. Осознание злодеяний национал-социализма в Германии помогло создать не только движение за гражданские права, но и таких предвестников либертарианского ренессанса, как книги «Бог из машины» Изабел Патерсон и «Дорога к рабству» Фридриха Хайека.

Другой грандиозной тоталитарной системой XX столетия был коммунизм, осуществленный в Советском Союзе и его государствах-сателлитах. Общие принципы коммунизма разработал Карл Маркс. Коммунизм сохранял свою привлекательность для идеалистов гораздо дольше, чем фашизм. По крайней мере до разоблачений в 1950-х годах сталинских чисток многие американские интеллектуалы считали коммунизм благородной, несмотря на некоторые перегибы, попыткой устранить неравенство и «отчуждение», порождаемые капитализмом. В 1980-е годы некоторые американские экономисты всё еще продолжали превозносить СССР за экономический рост и эффективность — фактически вплоть до момента краха системы.

Крушение коммунизма в 1989—1991 годах не стало для либертарианцев сюрпризом. На протяжении многих лет они не уставали повторять, что коммунизм не только противоречил свободе и достоинству человека, но и был разрушительно неэффективен, и эта неэффективность нарастала со временем, тогда как капиталистический мир демонстрировал успехи. Крах коммунизма сильно сказался на идеологическом ландшафте мира: развитой социализм фактически перестал фигурировать в идеологических дебатах в качестве одной из целей общественного развития. Сейчас очевидно, что общество, тотально контролируемое государством, — это подлинная катастрофа, и все больше людей задается вопросом, почему общество хочет ввести *немного* социализма, если полный социализм ведет к таким плачевным результатам.

А что происходит в государствах всеобщего благосостояния Запада? Основные идеологические битвы ведутся в относительно узких рамках, но они всё еще важны. Разве государство

не должно контролировать рынок? Разве государства всеобщего благосостояния не более гуманны, чем были бы государства либертарианские? Хотя Западная Европа и США никогда не пытались построить полный социализм, подобные соображения привели к тому, что на протяжении XX в. контроль государства над экономическим аспектом жизни людей невообразимо усилился. Европейские правительства национализировали больше отраслей промышленности и создали больше государственных монополий, чем США. Авиаперевозки и телефонная связь, угольная промышленность, металлургия, автомобилестроение, радио и телевидение вошли в число отраслей, которые в США оставались в основном частными, а в Западной Европе принадлежали государству. Раньше, чем США, европейские страны учредили государственные программы социальных пособий «от колыбели до могилы».

В США национализация коснулась немногих отраслей (в их числе железные дороги Conrail и Amtrak), однако масштабы регулирования и ограничений экономического выбора растут по всей стране, и хотя мы не создали такой же всеохватной системы «социального страхования», как в Европе, наши трансфертные платежи простираются от программы «Женщины—младенцы—дети» (WIC) до программы «Рывок на старте», ссуд на оплату обучения в колледже, пособий по безработице, социального страхования и «Медикэр»* — неплохое начало для построения государства, опекающего «от колыбели до могилы».

Тем не менее во всем мире государства всеобщего благосостояния сталкиваются с серьезными трудностями. Налоговые ставки, необходимые для поддержания крупномасштабных трансфертных программ, калечат западные экономики. Зависимость от государства девальвировала ценность семьи, работы и бережливости. От Германии до Швеции и Австралии государства всеобщего благосостояния больше не способны выполнять свои обещания.

Уже через 15 лет, начиная с 2012 г., государственная система социального страхования в США будет испытывать дефицит средств, а полностью деньги закончатся к 2029 г. Официальные прогнозы показывают, что деньги на «Медикэр» кончатся уже в 2001 г., а к 2006 г. дефицит составит 443 млрд долл. Эконо-

мисты подсчитали, что американец, родившийся в 1975 г., будет вынужден тратить 82% доходов, заработанных им в течение всей жизни, на налоги, взимаемые для поддержания программ социальных субсидий; вот почему молодые люди негодуют по поводу перспективы большую часть жизни работать на то, чтобы финансировать трансфертные программы, которые в конце концов с неизбежностью обанкротятся. Опрос 1994 г. показал, что 63% американцев в возрасте от 18 до 34 лет не верят, что государственная система социального страхования просуществует до их выхода на пенсию; они охотнее верят в НЛО (46%), чем в государственную систему социального страхования (28%).

Демонтаж государства всеобщего благосостояния будет сложной экономической и политической проблемой, но все больше и больше людей — в США и в других странах — признают, что большое государство западного типа переживает замедленный вариант краха, покончившего с коммунистической системой.

В начале 1970-х годов экономический рост в США и Европе очень сильно замедлился. Объяснения этому давались самые разные; наиболее неоспоримое, по моему мнению, заключается в том, что десятилетием ранее неимоверно возросло бремя налогов и государственного регулирования. Количество страниц в «Federal Register», где публикуются новые нормативные акты, увеличилось в два раза с 1957 по 1967 г. и еще в три раза с 1970 по 1975 г. Еще сильнее страдает Великобритания, где налоги выше, чем в США, и социализма значительно больше. В XIX в. это была богатейшая держава мира, но к 70-м годам XX в. ее экономическую стагнацию и недовольство населения именовали не иначе как «британской болезнью».

Эти проблемы привели к выбору Маргарет Тэтчер премьер-министром Великобритании в 1979 г. и Рональда Рейгана президентом США в 1980-м. Тэтчер и Рейган отличались от предыдущих лидеров своих партий. Вместо того чтобы управлять государством всеобщего благосостояния немного эффективнее, чем лейбористская или демократическая партии соответственно, они пообещали отказаться от социализма в Британии и высоких налогов в США. Их программы ни в коем случае нельзя назвать последовательно либертарианскими, но избрание этих

лидеров показало, что избиратели были недовольны экономическим бременем большого правительства.

К сожалению, и Рейган, и Тэтчер, несмотря на продолжительность их пребывания у власти, не много сделали для замедления роста государства всеобщего благосостояния. Да, Тэтчер приватизировала немало национализированных предприятий, включая British Airways, телефонную компанию, государственное жилищное строительство и автомобильную компанию *Jaguar*. Но она не стала ничего предпринимать против субсидий, выплачивавшихся среднему классу, и доля государственных расходов в ВВП не была снижена. Можно утверждать, что в экономической сфере Рейган добился еще меньшего. Он сократил ставки подоходного налога, но затем поднял налоги на заработную плату в целях сохранения краугольного камня государства всеобщего благосостояния — социального обеспечения. Доля национального дохода, приходящаяся на государственные трансфертные платежи, продолжала расти.

В 1980-е годы были основания ожидать, что страна столкнется с банкротством государства всеобщего благосостояния, до того как станет возможной реформа. Но наиболее разительным оказался успех не Тэтчер в Британии или Рейгана в Америке, а Новой Зеландии, где у корпоративистского и патерналистского государства всеобщего благосостояния кончились деньги. По иронии судьбы именно лейбористское правительство премьер-министра Дэвида Ланджа и министра финансов Роджера Дугласа ликвидировало пошлины, создававшие тепличные условия для бизнеса, снизило налоги, урезало социальные пособия для среднего класса и рассматривало такие идеи, как ваучерная система оплаты обучения, позволяющая родителям самостоятельно выбирать школу для ребенка. Во всемирном рейтинге экономической свободы Новая Зеландия взлетела с мрачных 4,9 балла из 10 в 1985 г. до 9,1 к 1995 г., заняв третье место в мире. Чили и Аргентина, два других особенно расточительных государства всеобщего благосостояния, также достигли дна и осуществили масштабные реформы в 1990-х годах. Как и в Новой Зеландии, реформы в Аргентине пришли с неожиданной стороны — от президента Карлоса Менема из перонистской партии, которая с 1940-х по 1970-е годы

реализовывала популярные программы социального обеспечения, превратившие Аргентину из одной из богатейших в мире стран в бедную страну с государством-банкротом.

Разочарование в политике

Неспособность западных государств выполнить свои обещания обеспечить процветание, безопасность и социальную справедливость вкупе с безуспешными попытками реформ привела во всех странах Запада к глубокому разочарованию в политиках. Историк Пол Джонсон писал в своей книге «Современность»: «Разочарование в социализме и других формах коллективизма... всего лишь один аспект куда более значительной потери доверия к государству как надежному и стремящемуся к всеобщему благу институту власти. В XX в. государство было тем институтом, который разросся больше других, одновременно став самым большим провалом века. <...> И если во времена Версальского договора в 1919 г. большинство образованных людей верили, что разросшееся государство может увеличить общую сумму человеческого счастья, то к 1990 г. в это не верил никто, кроме незначительной, непрерывно сокращающейся и морально раздавленной группы фанатиков... Эксперимент ставился бесчисленное число раз и практически во всех случаях провалился. Государство оказалось прожорливым транжирой и не имеющим себе равных растратчиком ресурсов. Кроме того, государство стало самым ненасытным убийцей за всю историю человечества».

К 1990-м годам во всех крупных западных странах произошло беспрецедентное падение популярности политиков. Можно утверждать, что в США на всех президентских выборах с 1968 г. избиратели голосовали за кандидата, с которым связывали наибольшие надежды на уменьшение роли государства. Однако самое большое и самое громоздкое правительство в человеческой истории оказалось невосприимчивым к желанию общества подсократить его размеры и могущество. (Заметьте, я, естественно, не утверждаю, что правительство США является наиболее тираническим вообще; вовсе нет. Однако, я думаю, можно без преувеличения сказать, что правительство США

контролирует больше ресурсов, распределяет больше помощи и издает больше правил и нормативных актов, чем любое другое правительство в мире.) К 1993 г. разочарование общества четко фиксировалось в социологических опросах. Институт Гэллупа проводит регулярные опросы общественного мнения о доверии федеральному правительству. С середины 1960-х годов этот показатель неуклонно снижается. Неудивительно, что самого низкого, как казалось, уровня он достиг в 1974 г., в конце провального президентства Ричарда Никсона. Затем он немного вырос, но за последний год неумелой администрации Джими Картера упал еще ниже. Доверие федеральному правительству выросло на волне первоначального энтузиазма, связанного с обещанной Рональдом Рейганом революцией, но затем продолжило свое падение, пока не достигло самого низкого уровня за все время проведения опросов в январе 1993-го, когда пост президента занял Билл Клинтон. Никогда прежде доверие общества правительству не было таким низким в самом начале президентского срока. Стоит ли удивляться, что общество без энтузиазма встретило предложенную Клинтоном амбициозную программу правительственного активизма: повышение налогов, программа стимулирования экономики, национальная молодежная служба и, конечно, его грандиозный план фактической национализации медицинского обслуживания.

Результаты другого опроса подтвердили охлаждение общества к правительству. При ответе на вопрос: «Что вы предпочитаете, более компактное правительство, предоставляющее меньше услуг, или большое правительство, предоставляющее большое количество услуг?» — процент высказавшихся в пользу «более компактного правительства» увеличился с 49 в 1984 г. до 60 в 1993-м и до 68 в 1995-м. (Заметьте, этот вопрос даже не напоминал, что больше услуг означает больше налогов.) Другой постоянно задаваемый в этих исследованиях вопрос звучал так: «Как часто вы считаете, что правительство в Вашингтоне поступает правильно?» В 1964 г. 14% ответили «всегда» и 62% — «чаще всего». К 1994 г. ответ «всегда» практически исчез, а доля ответов «чаще всего» упала до 14%. Доля варианта «только иногда» возросла с 22 до 73%, а 9% респондентов предложили свой ответ: «Никогда». Принимая все это во внимание, не приходится

удивляться, что к середине 1995 г. число избирателей, выступающих за создание третьей партии, выросло до 62%.

Майкл Ледин из Американского института предпринимательства утверждает: во время «холодной войны» избиратели на Западе считали, что они должны поддерживать свой правящий класс, дабы избежать гораздо худшей участи. Но в 1990-х годах «внешняя угроза исчезла, и люди готовы востребовать обратно контроль над своей судьбой».

Эти люди понимают, по крайней мере интуитивно, что век политики не сдержал своих обещаний. Они готовы к встрече с политической философией и политическим движением, которые смогут объяснить, почему политика потерпела неудачу и чем ее можно заменить.

Причины политических провалов

Исследованию проблем, связанных с принуждающим правительством, и либертарианской альтернативе будет посвящена значительная часть этой книги. Здесь мы ограничимся кратким введением. США поражены болезнью, которая диагностируется по всему миру: слишком много государства. Чем больше государство, тем масштабнее провал; так, например, крах политики государственного социализма очевиден для всех. Как неустанно предупреждали либертарианцы на всем протяжении XX в., социализм и все остальные попытки заменить индивидуальные решения распоряжениями государства отнимали свободу и подавляли достоинство личности — то, ради чего в западной цивилизации велось столько битв. Кроме того, социализм сталкивался с несколькими непреодолимыми политическими и экономическими проблемами:

- *проблема тоталитаризма* — соблазн злоупотребления такой сконцентрированной властью непреодолим;
- *проблема стимулов* — отсутствие стимула для людей работать усердно и эффективно;
- *проблема расчета* — неспособность социалистической системы, не имеющей системы цен и рынков, распределить ресурсы в соответствии с предпочтениями потребителей.

Десятилетиями либертарианские экономисты, такие как Фридрих Хайек и Людвиг фон Мизес, не уставали повторять, что социализм просто не может работать, не может эффективно использовать все ресурсы и знания великого общества для обслуживания потребителей, и десятилетиями социал-демократы на Западе отклоняли эти заявления, утверждая, что советский коммунизм не просто худо-бедно существует, а его экономика растет быстрее, чем экономики стран Запада.

Социал-демократы были не правы. Хотя неповоротливая советская экономика и могла производить в больших количествах низкосортную сталь и бетон, занимаясь, по выражению родившегося в Венгрии философа Майкла Поланьи, «зримым производством», и даже запускала людей в космос, ей никогда не удавалось произвести ничего из того, что желали иметь потребители. К концу 1980-х годов советская экономика *не* составляла $\frac{2}{3}$ экономики США, как утверждало ЦРУ; *не* использовала свою рабочую силу полностью», как утверждал экономист из Гарвардского университета Джон Кеннет Гэлбрейт; *не* являлась «мощным двигателем экономического роста», как многие поколения студентов колледжей узнавали из учебника нобелевского лауреата Пола Самуэльсона. В действительности советская экономика составляла примерно 10% экономики США, если вообще позволительно сравнивать столь несравнимые вещи, и крайне неэффективно использовала высокий интеллектуальный потенциал страны. Нежизнеспособное порождение индустриального века, в информационную эпоху советская экономика производила впечатление пещерного прошлого — факт, очевидный для всех, кто посещал СССР, за исключением западных интеллектуалов.

Вмешательству государства в функционирование общества и рынков в США сопутствуют те же проблемы, хотя и в более мягкой форме. Власть развращает, поэтому возможность государства указывать людям, как им жить, или отнимать деньги у тех, кто их зарабатывает, и отдавать другим является постоянным соблазном. Налоги и государственное регулирование снижают стимулы людей производить богатство, а государственные социальные пособия плохо сказываются на стимулах работать, сберегать и помогать семье и друзьям в случае болезни,

нетрудоспособности или ухода на пенсию. И, хотя американские бюрократы не повторяют грубых ошибок, совершавшихся социалистическими плановыми органами, абсолютно очевидно, что государственные предприятия менее эффективны, менее склонны к нововведениям и более расточительны, чем частные фирмы. Сравните хотя бы Почтовую службу США с компанией Federal Express. Или посмотрите, как решаются проблемы клиентов в American Express и Налоговом управлении. Или сравните частный многоквартирный дом с государственным жильем. Если люди не владеют данным имуществом, они не будут заботиться о нем как собственники; люди, которые не инвестировали в предприятие своих собственных денег и не получают прибыль от его успехов, никогда не будут вводить новшества, обслуживать клиентов и снижать издержки так, как это делают стремящиеся получить прибыль предприниматели.

В книге «Общество изобилия» Джон Гэлбрейт обнаруживает «частное богатство и государственную нищету» — т.е. общество, в котором ресурсы, находящиеся в частном владении, обычно содержатся в чистоте, эффективно используются, имеют надлежащий уход, повышающий их качество, в то время как места общественного пользования грязны, переполнены и небезопасны, — и делает странный вывод, что нам следует направлять больше ресурсов в государственный сектор. Данная книга предлагает другой выход.

Базовые политические альтернативы

На протяжении столетий люди спорили о фундаментальных проблемах политики и форм правления. Согласно Аристотелю, возможны четыре политические системы: тирания, аристократия, олигархия и демократия. В середине XX в. многим казалось, что в число альтернатив можно включить коммунизм, фашизм и демократический капитализм. Сегодня интерес сохранился только к демократическому капитализму, поэтому многие интеллектуалы легко восприняли провозглашенный Френсисом Фукуямой «конец истории», означающий, что великие битвы за идеологию закончились триумфом демократии на основе смешанной экономики. Однако в то время, когда книга Фукуямы

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru